

Оксана Кириллова

**Удар под
ребра**

Оксана Кириллова

Удар под ребра

«Издательские решения»

Кириллова О.

Удар под ребра / О. Кириллова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832920-3

У Вики необычный дар — она физически ощущает, когда ей врут. С детства это приносило ей множество проблем, отдаляя от близких и заставляя каждую минуту ожидать удара. Внезапная потеря дара заставляет ее взглянуть на мир по-новому и впервые открыться людям. Но что ждет ее в ответ? Кто останется на ее стороне, а кто не оправдает надежд?

ISBN 978-5-44-832920-3

© Кириллова О.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Выздоровление	6
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Удар под ребра

Оксана Кириллова

© Оксана Кириллова, 2016

ISBN 978-5-4483-2920-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я летела с лестницы целую вечность, поднимая страшный грохот (по крайней мере, так мне казалось), пытаюсь уцепиться за ступеньки и ломая при этом ногти. Успела вспомнить даже Скарлетт О`Хару, которая именно так потеряла ребенка от Ретта Батлера. Единственный свидетель моего величественного падения (далеко не Ретт Батлер, особенно внешне) бежал ко мне и что-то кричал, когда я скатилась с последней ступеньки и, оглушенная, лежала там, внизу. Продолжая что-то бормотать, он попытался поднять меня – придурок, а вдруг у меня сломан позвоночник, подумала я и неловко отползла назад. Он, похоже, подумал о том же, отпустил меня, и я наконец-то разобрала, что он повторяет – отчаянно, на одной ноте:

– Прости... прости... прости...

– Замолчи, – прохрипела я.

Боли в теле не ощущалось, была только неестественная легкость (последствие шока?), но моя левая рука, на которую я в итоге приземлилась – не могу объяснить, что именно, но что-то с ней было не так. Я чувствовала ее иначе, чем остальные части тела – то ли она гудела, то ли неудобно лежала, в общем, мешала как-то. Ерунда, не повод вызывать «скорую». Главное, чтобы этот человек отошел от меня как можно дальше.

– Они сейчас приедут, – спрятав телефон, проговорил он и склонился надо мной.

Я с ужасом поняла, что он гладит меня по волосам, и тряхнула головой, будто пытаюсь согнать назойливое насекомое.

– Вика... Вика... все будет хорошо... я люблю тебя... – прошептал он мне прямо в ухо.

«Не врет», – с удивлением и долей брезгливости отметила я.

– Уйди. – Я вытянула перед собой правую руку, пытаюсь удержать его на расстоянии. Сил у меня было маловато.

– Может, ты... сможешь... меня... – лепетал он испуганно, и мне вдруг стало настолько противно, что к горлу подкатила тошнота.

Этого только не хватало. Я сделала глубокий вдох. И еще один. Мне хотелось сказать: «Если ты не замолчишь и не отойдешь, я убью тебя». Еще минут десять назад угроза была бы вполне реальной: окажись в моей руке необходимое орудие, не факт, что я бы им не воспользовалась. Но теперь это прозвучало бы глупо. Для начала мне как минимум понадобилось бы подняться с пола. Поэтому я сказала коротко:

– Я тебя ненавижу.

Просто и со вкусом, похвалила я себя, с удовольствием пронаблюдав, как потухает его взгляд, в котором, кроме ужаса, до этого было что-то вроде исступленной надежды. Его лицо почему-то поплыло перед глазами, картинка становилась все менее четкой, будто по экрану телевизора пошли помехи. В моем раннем детстве отец в таких случаях всегда шел поправлять антенну. Иногда это помогало.

Я захлопала ресницами, пытаюсь настроить свою внутреннюю антенну, но изображение плавно гасло. Может, оно и к лучшему, с радостью подумала я вдруг. Больше всего мне хотелось, чтобы он просто взял и исчез. Правда, пока вместо этого исчезала я.

Часть 1. Выздоровление

Гоша пинком затолкал под нижнюю полку мою последнюю сумку и обернулся ко мне:

– Если что, ты сама сказала – там только одежда.

– Да хоть хрустальная ваза, делай что хочешь, – безучастно отозвалась я.

Соседка по вагону – дородная женщина лет сорока пяти с избыточным количеством макияжа на лице – недоуменно покосилась на нас.

– Без тебя я бы со всем этим не справилась, – проговорила я вместо «спасибо».

– Для того и нужны друзья, – пожал плечами Гоша.

Он помедлил, посмотрев на мою руку.

– Приедешь хотя бы, когда придет время гипс снимать?

Я ожидала, что он скажет что-то вроде «куда ты прешься, подождала бы хоть, пока кости срастутся», но тогда это был бы не Гоша.

Надежно зафиксированная рука снова зачесалась – иногда мне казалось, что под гипсом по ней ползают всевозможные насекомые, а может, даже черви. «Наверное, фантомные боли еще мучительнее. От них невозможно избавиться даже в далекой перспективе», – в который раз утешила себя я. По крайней мере, совершенно прозаическое неутрахающее желание почесать загипсованную руку отвлекало от мыслей об... остальном. Боль от ушибов, как ни странно, не отвлекала.

– Я приеду, как только... как только смогу. Сам понимаешь. Пережду какое-то время.

Гоша молча развел руками – мой взгляд тут же задержался на левой. Буквально за несколько дней у меня появилась привычка смотреть людям на руки – как когда-то я разглядывала чужие фигуры, вообразив, что начала полнеть, и чужой загар, когда все лето никак не могла приобрести собственный.

– Хочешь, чтобы я передумала? Тогда тебе же волочить мои вещи обратно, – мрачно пошутила я.

– Ты такая упрямая, что я ни на что и не надеюсь, – проворчал Гоша.

«Провожающие, покидаем вагон!» – зычно крикнула проводница. Мне всегда казалось, что такое объявляют более торжественно, чуть ли не в рупор – впрочем, в последние годы я не ездила на поезде, только на автобусе и однажды на самолете, так что судить об этом мне было сложно.

– Тебя точно встретят?

– Я же говорила.

– Ясно. Ну, я пошел. – Вместо объятий (на них я не очень и рассчитывала, особенно в присутствии свидетелей) Гоша коснулся моего плеча. – Давай... Удачи тебе.

Уже выходя из плацкарты, он пробормотал что-то скороговоркой, и недобрый тон заставил меня насторожиться.

– Что ты сказал?

Он без колебаний повторил:

– Я убью его. Если не ты, так я.

Я широко улыбнулась, несмотря на то что внутри все похолодело.

– Ерунда, оставь его. Не марайся. В конце концов, к моему падению с лестницы он отношения не имеет.

Гоша верил в это не до конца, но знал, что обманывать не в моих правилах.

– Хорошо. Я его не трону, – сказал он – и соврал.

Я шумно выдохнула, каким-то чудом удержавшись от крика.

– Прости. Очень больно?

– Переживу.

– Я... извини, – повторил Гоша. – Все. Пошел.

На ложь и даже полуправду мой организм реагировал своеобразно: толчком под ребра. Герой сериала «Обмани меня» тоже чувствовал, когда ему врут, но он был рационален, ориентировался по выражению лица, позе, мимике, голосу – и построил на этом целую теорию. У меня же ее никогда не было. Человек мог смотреть на меня распахнутыми искренними глазами, его слова могли звучать натуральнее некуда, но я все равно знала, когда он лжет, а когда нет.

Мало кто знал об этой моей особенности – большинству знать и не надо было, иначе даже поверхностное общение со мной превратилось бы в прогулку по минному полю. Не раз и даже не сто я от души жалела, что не наделена более полезной способностью – например, к скорочтению, или к иностранным языкам, или к игре в шахматы. Увы, ни в чем таком я не преуспела, а единственный имевшийся у меня дар превращал меня в мизантропа. Во многом это была заслуга Яши.

Он появился, когда мне было десять – через год после того как меня хлестнуло под ребра мамино беспомощное «папа уехал... ему пришлось... он будет дома нескоро...». Полчаса я оплакивала отца как мертвого, пиная от горя подушку и размазывая слезы по щекам, и только потом (видно, у нее тоже было что-то вроде шока) мама призналась, что он жив и здоров, просто решил больше не возвращаться. В течение нескольких месяцев развод был официально оформлен, и та, другая, уже беременная, стала папиной женой. Не знаю точно, сколько месяцев прошло, прежде чем отношения с другим смогла начать мама, но подозреваю, что они с Яшей начали жить вместе почти сразу. А через полгода после этого расписались.

У этого типа не было постоянной работы – раз в несколько месяцев он, непременно поскандалив с начальством, менял сферу деятельности, иногда даже кардинально. Похоже, ему хотелось устроиться максимально комфортно, а обязательств он совершенно не признавал. Периодически маме приходилось обеспечивать нас всех одной, но я никогда не слышала от нее ни слова упрека в адрес мужа. То ли она так любила Яшу, то ли так боялась, что и он уйдет.

Самым омерзительным было то, что Яша постоянно врал. Нет, не вынужденно, не «во спасение», а на пустом месте, обычно стремясь набить себе цену. Он не сочинял все, а, как я вычислила со временем, брал парочку общеизвестных фактов своей биографии и накручивал вокруг них целый клубок. Звучало это примерно так: «В юности, учась на филолога, я вдохновился стихами Бальмонта и стал иногда сочинять сам. Не показывал свои записи никому, пока один из преподавателей, проверяя письменное задание, не нашел листок с моим стихотворением между страниц тетради. У этого преподавателя были свои связи в издательстве, и он предложил мне опубликовать сборник. Я с восторгом согласился, собрал свои лучшие творения, но в итоге в печать книга так и не вышла. В последний момент я решил, что подчинять талант коммерческим интересам, – а я уже, конечно, начал прикидывать, сколько человек купят мой сборник – низко. Отбирая стихи для книги, я размышлял, какие из них понравятся публике – иными словами, за какие она будет готова платить. Мне до сих пор стыдно за свою мелочность. Может, поэтому с тех пор я не написал ни одного стихотворения. Отпугнул-таки музу...».

В подобных монологах отчима непременно находилось место подвигу – его собственному, разумеется – и неуместной высокопарности. Обычно проверить истинность рассказа в целом не представлялось возможным (он всегда мог оправдаться – к примеру, заявить, что сжег старые стихи в порыве самоуничтожения). Но, главное, фактический «скелет» был безупречен и устойчив: Яша действительно учился на филолога и уважал Бальмонта, и у него действительно не вышло ни одного даже самого крошечного сборника стихов. Я-то с трудом представляла, как он может срифмовать что-то более затейливое, чем «розы – мимозы» и «любовь – кровь», зато мама умиленно кивала, да еще прибавляла: «Какой ты у меня замечательный: и талантливый, и тонко чувствующий...».

Пару раз я пыталась осторожно намекнуть ей, что Яша много придумывает, но она ловко меняла тему, и я, решив больше ее не травмировать, прекратила попытки. Мама знала, что в таких вещах я не ошибаюсь и, скорее всего, не желала разочаровываться. По крайней мере, ей хотелось верить мужу: ее комплименты лживыми не были. А вот меня от его историй иногда буквально тошнило. Я ничего не могла с собой поделать: сначала это был, как обычно, легкий толчок под ребра, потом более ощутимый, после третьего бессмысленного вранья за полчаса у меня могло начаться головокружение, а однажды меня буквально вывернуло наизнанку (хорошо хоть до ванной добежала).

...ох уж эти размышления, воспоминания, зачем?.. И без них худо.

Я предъявила проводнице с зычным голосом билет, умылась, дождалась, пока принесут постельное белье, устроилась на своей полке и, повернувшись лицом к стенке вагона, как-то незаметно стала прокручивать в голове события прошлого, на сей раз последних двух лет. И уже не смогла это остановить.

...Итак, был теплый и солнечный, хотя уже и сентябрьский, день. Я, восемнадцатилетняя, шла домой с довольно тяжелым пакетом, набитым продуктами (к маминому дню рождения). Я уже прошагала мимо банка, но потом мне пришло в голову, что хорошо бы снять часть стипендии. Деньги как раз должны были поступить на карточку. Мелочь (почти в буквальном смысле), а приятно.

Впереди был довольно муторный вечер – предстояло нарезать салаты, сервировать стол прабабушкиными серебряными приборами и слушать фальшивый смех гостей над Яшиными шутками. Вежливая фальшь – не ложь, она не стегает изнутри, но все равно ощущается, и вкус во рту мерзкий даже на следующее утро. Самое противное, если к нему примешиваются другие: кисловатый алкогольный или приторно-десертный – адский получается микс, именно поэтому в праздничные дни я всегда старалась мало есть и пить. А тут у меня было четыре пары, и я, как назло, осталась голодной.

Одной рукой (в другой был пакет, пластиковая ручка которого врезалась в пальцы, оставляя на них черные следы краски) я дернула на себя дверь банка. Не получилось, дверь оказалась тяжелой. Разозлилась, дернула еще раз. Массивная дверь злорадно скрипнула и поддалась на сантиметр, но, когда я нечаянно отпустила ее, хлопнула так, будто была распахнута настежь.

– Черт, – прошипела я, пытаюсь, невзирая на пакет, ухватить ее обеими руками.

– Совершенно не женское дело, – услышала я насмешливый голос у себя за спиной.

Вот и он. Стоит, широко улыбаясь, взгляд совершенно безмятежный, будто он только сегодня родился и не ведает ни о каких проблемах и хлопотах, чужда ему тщетная мирская суета. Он впитывает каждое мгновение с восхищением, благодарностью и наивным любопытством – и на меня смотрит изучающе, как на экспонат.

Все это – его улыбку, выражение лица – я вспоминала потом, очень нескоро, когда все эти детали, пазлы вдруг стали для меня важными. Но в тот момент я видела перед собой только странного веселого паренька, далеко не красавца, который забавлялся, не спешил мне помогать и дико раздражал.

Не удостоив ответа его своеобразную реплику, я снова повернулась к двери и вцепилась в ручку. Парень вежливо отстранил меня, потянул дверь, и она тут же открылась – даже, кажется, без скрипа. Он отступил, пропуская меня внутрь.

– Спасибо, – буркнула я и проследовала к банкомату.

Достала карточку, проверила баланс (не повезло, стипендия еще не пришла) и двинулась обратно на улицу. На сей раз дверь, к счастью, толкнул какой-то мужчина, и я успела проскочить наружу вместе с ним. Улыбчивый молодой человек ждал меня на лестнице возле банка – так естественно и непринужденно, будто мы были давними друзьями на прогулке и я сказала: «Минуточку, сейчас забегу снять деньги и пойдем дальше».

– Не женское это дело, – повторил он и протянул руку, чтобы взять мой пакет.

Я с недоверием отшатнулась и переспросила не слишком любезно:

– Что именно?

– Ходить в банк. И носить тяжести. У вас там кирпичи, что ли? Дайте.

Он повернулся в профиль, и я обнаружила, что у него очень непропорциональный, загнутый книзу нос. Весьма заметный недостаток, а если прибавить очень небрежную прическу – слишком небрежную, чтобы это выглядело стильно, – четырехдневную щетину и щербинку между передними нижними зубами, то образ получался малопривлекательный. Да еще фигура. Назвать его полным было нельзя, но живот слегка выдавался вперед, обтянутый не первой свежести белой футболкой.

– Я сама донесу.

– Вы очень недружелюбная, улыбнитесь, а?

– Зачем?

– Да просто так, для себя, не для меня же. Наверняка улыбка идет вам куда больше, чем суровость.

Сама не зная почему, я повиновалась – не специально, просто вдруг почувствовала, как уголки губ сами собой ползут вверх. Я редко улыбалась незнакомцам.

– Вот, так я и думал! – возликовал парень. – Выглядите великолепно! Честное слово, от души.

– Я и так в курсе, что вы не врете, – пробормотала я.

– Серьезно? Это видно?

– Нет. Чутье.

– Хорошая интуиция? Разбираетесь в людях? Что обо мне скажете?

– Лучше вам не знать. – Я потянулась за своим пакетом, который уже каким-то чудом оказался у него в руках.

– А я думаю, знать всегда лучше – ненавижу, когда от меня что-то скрывают.

– Я тоже. – Зачем я это сказала?

– Видите, вы меня понимаете, – обрадовался он. – Давайте так: я несу до дома ваши кирпичи, а вы рассказываете мне свое первое впечатление обо мне.

– Ага, а потом, зная, где я живу, вы будете караулить меня возле подъезда по утрам, тащиться следом до самого института и позорить меня перед однокурсниками, – вырвалось у меня.

«Позорить». Бедный парень. Он не красавец, конечно, но зачем было ему грубить? Да и с чего я вообще так разболталась?

– Караулить? Какие фантазии, с чего вы взяли, что у меня столько свободного времени? – Он хохотал, будто я произнесла что-то невероятно смешное, хотя должен был, по идее, оскорбиться и ретироваться. Хорошо, если не с моим пакетом.

– Меня это не интересует. Просто оставьте меня в покое, – рубанула я (так-то лучше).

– Я и не планировал вас беспокоить. Помогу дотащить вещи, полюбуюсь еще немного вашей улыбкой – где она, кстати? – и исчезну. Вы уже скрасили мой день. А насчет первого впечатления – как хотите. Думаю, я и так понял.

Он продолжил путь вровень со мной – к моему удивлению, молча. Я размяла уставшую и испачканную краской с пакета руку и неожиданно для себя спросила:

– А почему ходить в банк – не женское дело?

Парень отозвался охотно и многословно:

– Такие заведения строились не для юных девушек, а для унылых клерков, офисного планктона. Разве тяжелая дверь – не убедительное тому подтверждение? Распахнуть ее одной рукой они еще способны, а вот сотворить какое-нибудь чудо – слепить для любимой девушки снеговика, например, негнуцимыми руками в двадцатиградусный мороз – уже нет. Что-то у них там внутри отмерло. Может, частые операции с деньгами способствуют атрофии сердца?

Я нахмурилась. Что несет этот человек? Никогда не слышала такой чуши: клерки, снеговики, денежные операции... как вообще он умудрился увязать все это в пяти фразах?

– Вы ведете к тому, что девушки не должны снимать деньги в банке, – попыталась конкретизировать я, – или у них вообще не должно быть банковских карточек, да и в принципе собственных средств? Возможно, наш удел – сидеть на шее у мужей и понемногу наскребать на домашнее хозяйство и маникюр из их жалких подачек?

Молодой человек воззрился на меня то ли удивленно, то ли восхищенно.

– Вот это ассоциативный ряд! Я вам о любви, а вы мне про несчастных домохозяек.

– Хм, мне казалось, мы говорили о банках.

– Это вы говорили о банках, а я о чувствах. Все остальное так скучно.

– Вы меня запутали. Я задала вопрос...

– Вопрос? Какой?

– У меня сейчас голова кругом пойдет.

– Ой, только не злитесь, это вам не к лицу. Что за вопрос... а, вспомнил. Почему я сказал, что женщины не должны ходить в банк? Да понятия не имею, почему я так сказал. Вообще, под «не женским делом» я подразумевал тягание тяжелых сумок и не менее тяжелых дверей.

– А зачем вы потом уточнили...

– Да просто так!

Тогда я еще не подозревала, что это очень в его духе – ляпнуть что-нибудь «просто так», под настроение, а потом нафантазировать вокруг этой фразы целую теорию. Нет, он не был банальным хвастливым сочинителем, как мой отчим – просто ему нравилось сооружать вавилонские башни из мыслей, слов и эмоций, наслаждаться ими, а потом рушить и строить новые. Такой у него был способ познания мира.

Я произнесла безнадежным голосом:

– О Боже.

Этот странный парень и ерунда, которую он болтал, немного отвлекли меня от размышлений о предстоящем вечере. Но, подходя к дому, я снова обо всем вспомнила и помрачнела. На сей раз он не стал просить меня улыбнуться – только ободряюще улыбнулся сам и добавил:

– Сегодня все будет отлично. Вот увидите.

– Почему вы так решили? – не удержалась я, хотя не планировала вступать с ним в дискуссию, да еще в тот момент, когда мы приближались к моему подъезду.

Больше всего я хотела, чтобы он поскорее ушел и его успело увидеть как можно меньше соседей.

– Я просто знаю, – сказал он. – Помочь вам подняться с этим по лестнице или...?

– Спасибо, я сама.

Не сомневаюсь, именно такого ответа он и ожидал. Кивнув, он вручил мне пакет со словами:

– Надеюсь, вам не каждый день приходится подобное таскать – в противном случае, ваш муж не джентльмен. Да не смотрите так, сам вижу, что вы не замужем. Нет кольца.

– Так я и думала, что этим кончится. «Помогу донести вещи». Может, вас еще на чашечку чая пригласить?

– Я действительно просто хотел помочь. Если бы я врал, вы бы почувствовали, верно? Это не мешало мне заметить отсутствие кольца. Впрочем, если тема для вас больная...

– Вовсе нет...

– Вот и я так решил.

– ... а теперь я пойду. Еще раз большое спасибо.

– Пожалуйста. – Парень дождался, пока я достану ключ от домофона и открою дверь, придержал ее, усмехаясь, проговорил «всего вам доброго» и вроде бы ретировался. По крайней мере, до квартиры со мной не поплелся.

«Придурок какой-то», – пробормотала я, поднимаясь по лестнице, и уже через пару пролетов совершенно забыла о его существовании.

Не вспомнила и тогда, когда его пророчество нежданно-негаданно сбылось: с готовкой удалось справиться довольно быстро (мама пришла пораньше, и мы сделали все часа за полтора в четыре руки, даже пирог испекли), гостей было меньше, чем я предполагала, пришли только самые близкие. И вместо шумного праздника вышла приятная, душевная посиделка. Гораздо больше похожая на семейную, чем наши каждодневные ужины втроем с мамой и Яшей. Яшей, с его вечными жалобами на жизнь и работу и байками о несуществующих заслугах.

Кстати, отчим тоже вел себя примерно, произнес даже пару удачных тостов, хотя обычно был способен только на «поздравляю, люблю» – видимо, весь талант ушел в неизданный сборник стихов. Единственный раз за вечер меня передернуло, когда он льстиво обратился к маминной лучшей подруге: «Какие красивые браслеты, дорогая». Мало того, что меня бесило его стремление называть «дорогими» всех людей женского пола, в том числе и меня иногда, так он еще и соврал. Не преувеличил, а именно соврал. Браслеты были ужасны, и он это прекрасно видел. На месте тети Марины (к которой я относилась с теплотой) я не стала бы надевать золото вместе с серебром, да еще в сочетании с дешевыми бусиками из керамики. Впрочем, мамина подруга простодушно порадовалась комплименту и рассказала увлекательную историю о том, как покупала эти браслеты на распродаже. Они оказались такой же бижутерией, как и бусы.

Но это все ерунда – главное, за нашим столом (и у меня на душе) царили мир и покой. Я не думала о непереуверенной стипендии и о семинаре, который ждал меня на следующий день в институте (учеба меня неизмеримо больше грузила, чем радовала). Я пила мелкими глотками дорогое красное вино и наслаждалась осенним вечером в прекрасном обществе.

Мое сердце было наполнено простой, тихой нежностью – к матери-имениннице, к ее друзьям, даже к Яше, и даже к самой жизни, которая дарит иногда столь чистые, золотые мгновения. Может, у кого-то таких мгновений (и таких вечеров) хоть отбавляй, но мне повезло меньше: нелегко расслабиться в какой бы то ни было компании, когда знаешь, что добрая половина ее участников по мелочи привирает через каждые две фразы и после следующего случайно брошенного слова тебя может толкнуть под ребра. И не дай Бог при этом пролить вино на скатерть.

Это только кажется, что лживых людей не много – и зачем врать без надобности, да еще в кругу близких? Может, на моем месте кто-то поведал бы миру, как на самом деле он, этот мир, испорчен и пропитан обманом, но я не буду, увольте. Хотя, возможно, именно в этом и состоит моя миссия...

Наутро эйфория ушла, но блаженное послевкусие (не то что обычно) осталось, и, собираясь в институт, я даже ни разу не задумалась о том, как мне неохота туда идти. Просто умылась, поела, оделась и вышла.

Погода оставалась теплой: солнце еще не было в зените, но температура воздуха позволяла распахнуть легкую куртку и спрятать подальше в сумку шарф. Было ощущение, будто впереди вовсе не зима, а лето – приятнейшая мысль, после которой неизбежно приходит легкое разочарование. Но лето всегда возвращается, так что переживать ни к чему.

Увидев возле арки вчерашнего парня, я даже вздрогнула от неожиданности.

– Что вы тут делаете?!

– Забыл, в каком подъезде вы живете. Двор помнил, а подъезд нет. Вот и слоняюсь, – пояснил он со своей извечной, кажется, беззаботной улыбкой (можно подумать, я спросила, почему он стоит не около моей двери, а в отдалении).

– Откуда вы знали, когда я выйду? – строго произнесла я.

Нужно было немедленно погасить его неуместный энтузиазм, говорить как можно резче и четко дать понять, что ловить ему со мной нечего.

– Да я и не знал. Просто зашел наудачу – мало ли, вдруг столкнемся. Вы упомянули о том, что по утрам ходите в институт.

– А вам что, никуда не надо? Какого черта вы здесь делаете? Вы же обещали за мной не шпионить! – Кажется, для уверенного и хладнокровного человека с жесткой позицией я наговорила слишком много, а главное, излишне эмоционально.

– Тихо, ну не кипятитесь. – Он смотрел на меня почти с нежностью. – Сегодня я работаю с десяти утра, до совещания в офисе делать нечего. Работаю, кстати, неподалеку отсюда. А «не шпионить» я совершенно не обещал! Вы помните, чтобы я сказал «обещаю»? Я – нет.

– Не надо заговаривать мне зубы. Я спешу на пару. Оставьте вы меня в покое или мне обратиться в полицию? – Я ускорила шаг.

– Ох уж, в полицию. Я ничего плохого вам не делал. Вот подумал: раз вы так и не поделились своим первым впечатлением обо мне, могу ли я рассчитывать на отчет о втором?

– Можете. Назойливый несимпатичный тип с совершенно необъяснимой уверенностью в себе...

– ... и шоколадкой. – Его ни капли не смутила моя характеристика: возможно, его внутренние ощущения с ней дисгармонировали, и он не взял ее в расчет.

Достав из кармана, парень протянул мне маленькую твердую плитку в шелестящей обертке. Белый, пористый. Как я люблю.

– Знал, что оцените. Почувствовал, – уловил мое настроение он.

– Вы все чувствуете, да? – сердито произнесла я.

– Как и вы. Возьмите ее.

– Мама учила меня не брать конфеты у незнакомых дядей.

Парень расхохотался.

– Вы самый удивительный человек из всех, кого мне приходилось встречать. Из-за вас я уже второй день не перестаю улыбаться.

– Я думала, это ваше естественное состояние.

– Не совсем. Но я к этому стремлюсь. Хотя обстоятельства сейчас, увы, не слишком располагают. – Позже выяснилось, что буквально за неделю до нашего знакомства он расстался с девушкой, да и на работе не ладилось. – Но... я предпочитаю смотреть на жизнь.

– С оптимизмом?

– Нет, просто – смотреть на жизнь. Унылые люди идут по ней с закрытыми глазами. Те, кто ее видят по-настоящему, не могут ей не радоваться.

Надо признаться, в это что-то есть, подумала я.

– Ладно. Мне пора, – сказала я твердо, готовая, однако, к тому, что отвязываться от парня придется долго.

– Хорошо. Удачного дня. Кстати, сегодня все снова будет замечательно.

Он развернулся и быстрым размашистым шагом двинулся на противоположную сторону улицы. От изумления я даже проводила его взглядом.

И день, действительно, был удачен – даже на семинаре меня спросили именно о том, что я знала. А на обратном пути домой я вдруг нащупала в кармане своей куртки шоколадку – уму непостижимо, как он успел ее туда положить. Достав ее, я... улыбнулась. И развернула фольгу.

Я никогда не доверяла незнакомцам. До смерти боялась влюбиться всерьез, из-за этого избегала и секса – вдруг бы он привязал меня к кому-то, заставив потом страдать? Дружила только с парой проверенных людей: Аней (о ней позже) и Гошей – другом детства, практически родственником. Любые попытки вторжения в мою жизнь меня раздражали. Но...

Постепенно, по крошечному кирпичику, этот парень сотворил чудо. Бог знает, как он смог выбрать единственно верный, пусть и довольно долгий, путь к моему сердцу. Говоря «путь к сердцу», я не имею в виду традиционное завоевание девушки. Речь о тех редких случаях, когда другой человек становится неотъемлемой частью твоей жизни, такой гармоничной

частью, что тебе не хочется менять ничего – ни его характер, ни характер отношений. Может, ты и не в восторге от всего, что он делает, но у тебя дух захватывает от того, что он именно таков, каков он есть, что он такой один. И он – рядом. Почувствовать это за один день или за неделю – почувствовать правильно, не истерично и сумбурно, не порывисто, а всей душой и осознанно – нереально. Но слишком много времени мне не понадобилось.

Все развивалось своеобразно. После второй встречи я уже периодически вспоминала «того странного парня». Даже не зная его имени. В следующий раз он появился – так же внезапно – через несколько дней, после моих пар: «Запомнил время, в которое встретил тебя из банка – ты вроде тогда из института шла?». Не знаю, может, это была и не первая попытка подстроить третью встречу, это мы потом никогда не обсуждали.

Мы наконец-то представились друг другу (архаичному полному имени Тимофей он предпочитал короткое Тим) и перешли на «ты». Я настороженно, коротко, но все же сообщила необходимый минимум информации о себе: студентка второго курса, учусь на культуролога (звучит претенциозно и очень бесперспективно одновременно, да простят меня все культурологи мира), живу с матерью и отчимом. Тим к тому времени учебу уже закончил – наша разница в возрасте составляла четыре года – и занимался в какой-то конторе продажами. «Но это ведь это совсем не творческая профессия», – удивилась я, услышав об этом. «Отнюдь. – Тим даже, кажется, немного обиделся. – Всякая работа является творческой. Или ты думаешь, творчество непременно подразумевает бумагу, перо и кисти?».

К зиме мы начали видеться почти каждый день: бродили по улице, отогревались горячим чаем в кафешках, сходили пару раз на каток, смотрели у него дома фильмы допоздна – все без малейшего намека на романтику. Мне было легко с этим человеком, потому что от него, в отличие от остальных, я не ждала подвоха: очень скоро стало ясно, что Тим, как и я, ненавидит врать. Он не бросался со своей правдой-маткой к окружающим, но, уверена, если бы любой, кто вызывал у него антипатию, спросил Тима об его отношении к себе, тот ответил бы честно.

Общаться с кем-то часами и ни разу не получить «удар под ребра», как я это называла, было необычно, почти нереально. Будто мне впервые за много лет разрешили выйти из душного помещения и постоять на пороге, вдыхая упоительный морозный воздух, и я с ужасом ждала, что вот-вот меня погонят обратно, но этого не происходило.

Закрывая за собой изнутри дверь в квартиру, я уже чувствовала, как ноги несут меня обратно – к оазису, к Тиму.

До сих пор я считала одним из самых честных людей свою мать (разумеется, она, в отличие от Яши, знала о моей особенности, пусть и предпочитала молчать о ней как о редкой и постыдной болезни, – в любом случае, при мне она старалась не врать и не лицемерить). Но по сравнению с Тимом и она стала казаться неискренней и фальшивой. О своей реакции на Яшу вообще говорить не приходилось: я продолжала сводить наше общение к минимуму, обращая к нему только дежурные фразы вроде «Доброе утро», «Спокойной ночи», «Сегодня снежно».

Однажды, уже в середине весны, я приехала к Тиму домой в выходной. Он встретил меня в пижаме – непричесанный, по обыкновению, побритый как попало, в старых истрепанных тапочках, которые у него руки не доходили зашить. Что бы он ни говорил о том, как к ним привязан, на день рождения я собиралась подарить ему новые, о чем зачем-то и сообщила в прихожей. Да еще пошутила, что эти давно пора выкинуть.

С ним я научилась одной простой и приятной вещи – говорить все, что вздумается. Конечно, только ему.

- Ну уж нет! Что угодно, а вот тапочки мои не трогай, – воспротивился Тим.
- Ты решил открыть лавку старьевщика? – предположила я, снимая пальто.
- Отнюдь. Просто... это подарок.

Он резко замолчал, явно не собираясь продолжать, и я ляпнула наудачу:

– От девушки?

Почему-то мне казалось, что этот напрашивавшийся вроде бы вариант наименее вероятен. Это было бы для Тима чересчур просто, прямо-таки недостойно. Разумеется, при этом я не только допускала, но и знала, что у Тима были девушки, и довольно много. Мы никогда не обсуждали его личную жизнь подробно, но и не избегали этой темы. Было вполне нормально услышать от него нечто вроде «Как говорила одна моя бывшая...» или «Это кафе любила моя знакомая, мы встречались пару лет назад». После этого я не принималась расспрашивать обо всех этих «знакомых» – не видела смысла, да и других тем для разговора и без того находилось предостаточно.

Иногда – на пару секунд, не более – я представляла Тима с девушкой, но эти мысли носили не ревностный и не эротический характер: мне было любопытно, как выглядят те, кто были с ним. Наверняка самые обычные, может, симпатичные девушки – стройные, ухоженные, в аккуратных юбочках, с румянами на лице, просто... со странным вкусом.

– Да. От бывшей, – ничего не выражающим тоном произнес Тим, направляясь в комнату.

– Какой из? – иронично спросила я, чтобы слегка разрядить атмосферу.

– Последней. – Он упорно говорил серьезно, но при этом слегка отстраненно, будто даже меня не хотел впускать на эту территорию.

К тому времени я уже знала, что с той девушкой он снимал вместе квартиру (в которой я теперь гостевала по пять раз в неделю), и расстались они вроде бы по ее инициативе, за несколько дней до нашего знакомства.

– Значит, еще не забыл ее, – сказала я, не ощущая никакой горечи – разве что трудно-объяснимое недоумение.

– Я никогда ничего и никого не забываю, не страдаю амнезией. – Тим чиркнул спичкой и зажег огонь под чайником цвета слегка перезрелой сливы, оставшимся от предыдущих хозяев. Они жили в другом городе, но все никак не продавали квартиру – может, не исключали, что вернуться.

– По-прежнему любишь ее?

– Нет, конечно.

Тим стоял ко мне спиной, когда бросил эту короткую фразу, но, как я уже упоминала, мне совсем не обязательно видеть глаза человека, чтобы понять, что он лжет. В следующую секунду я вздрогнула, и у меня вырвалось растерянное «ой».

– Что? Тебе плохо? – немедленно обернувшись, разволновался друг. – Подожди, сейчас налью воды...

– Не надо. Уже прошло. – Я присела на табуретку и прислонилась к стене, тупо разглядывая причудливо сплетающиеся узоры на обоях. Ожидала расспросов, забыв на минуту, что Тим из тех, кому слова иногда не нужны.

– Извини. Больше не буду, – медленно проговорил он.

– Больше не надо, – согласилась я, рассеянно поглаживая место на теле, в котором только что ощутила это – что-то вроде сокращения мышц, внезапной усиленной пульсации, эдакую «недоболь».

Видимо, мне все же хотелось, чтобы Тим о чем-то спросил, потому что я сказала таким тоном, будто отвечала на вопрос:

– Да, у меня всегда так. Не знаю, как это объяснить медицински. Наверное, нечто близкое к аллергии. Только не на внешний раздражитель, а...

– Ну, человеческую речь нельзя считать внутренним раздражителем.

Я никогда не видела у Тима такого взгляда: сосредоточенного, грустного, глубокого, острого одновременно. В тот миг мне показалось, что только он один и прочувствовал, как на самом деле тяжело жить с моей способностью, и у меня в глазах зацепило – просились

наружу слезы благодарности и облегчения. Я их, разумеется, сдержала – правда, пришлось отвернуться и часто заморгать, чего Тим, конечно, не мог не заметить. Его ладонь накрыла мою руку, и он вдруг очень буднично произнес:

– Слушай, я тут подумал, а не хочешь ко мне переехать?

И никаких тебе «давай поговорим», «у меня к тебе серьезное предложение», а главное – никаких уточнений вроде «только, сама понимаешь, мы просто друзья». Его слова были естественны, как воздух. Как он сам.

Я открыла рот, чтобы произнести жутчайшее клише: «Ты действительно этого хочешь?» – и тут же закрыла его. Мне ли не знать, что он действительно этого хотел. Здесь было неуместно и бесполезно переспрашивать, уточнять, а тем более выражать недоумение, удивление и тому подобные эмоции, которых во мне на самом деле не было.

– Устал один платить за квартиру? – усмехнулась я.

– И это тоже, – не стал скрывать Тим.

– Смотри, если бы ты мне сейчас соврал...

– Да я уж понял, с тобой играть опасно.

Мне понравилось, как быстро мы перевели в шутку то, что еще минуту назад стало всеобъемлющим откровением, которое могло бы окрасить в трагически-темные тона нашу встречу. Тим умел быстро переключаться, отбрасывать негатив, как змеиную кожу, но при этом не быть поверхностным ни в чувствах, ни в суждениях.

...он сказал «переехать». Переехать к нему.

Легко догадаться, что я давно мечтала уйти из дома. В четырнадцать лет даже попыталась, но, ясное дело, быстро вернулась. Однако мысль о том, чтобы «смотать удочки», меня не оставила и трансформировалось чуть ли не в навязчивую идею. Надежный и разумный способ был один: дождаться выпускного класса и попытаться поступить в иногородний институт. Несколько лет вдали от Яши (и от мамы, но что ж поделаешь) в этом случае были мне обеспечены. А там уже я должна была стать взрослой и полностью самостоятельной и, даже вернувшись в родной город, жить отдельно – может, со своей собственной семьей. В пятнадцать всегда кажется, что в двадцать один-двадцать два ты будешь совсем другим человеком с совсем другой жизнью и другими взглядами на мир.

Выдающихся успехов в учебе я никогда не делала, однако видела себя студенткой МГУ – в самом крайнем случае, другого московского вуза. Все потому, что я была с первого взгляда и с не свойственной мне обычно пылкостью влюблена в столицу. Но все пошло не так, как я планировала: подав документы на бюджетное отделение сразу нескольких столичных институтов, я везде провалилась. Платное обучение исключалось – мои подработки не позволили накопить столько денег, а разорение матери и отчима (на тот момент главным образом матери) не только было бы некрасивым поступком, но и лишило бы всех чар мою обретенную свободу. Свобода от семьи, за которую приходится дорого платить этой самой семье – как-то противостоит естественно.

В последние дни приемной кампании я успела поступить на заочное отделение университетского факультета культурологии в своем городе, но до сессии делать там было почти нечего. Страшный был год: серьезный стресс, вызванный крахом надежд, необъяснимо обострил мой дар, и вместо легких ударов под ребра я стала получать острые – такие, что меня буквально сгибало пополам.

В какой-то момент мне начало казаться, что ложь, а вместе с ней дикая боль, подстерегают меня за каждым углом, так что лучше всего, как завещал Бродский, «не выходить из комнаты – не совершать ошибку». Но тут, как назло, в очередной раз потерял работу Яша. Даже подработки, которые я периодически подыскивала без особого рвения (я тогда все делала будто в тумане, хотя, наверное, можно было поднакопить на платное обучение в Москве в следующем году), не спасали от того, чтобы периодически оставаться с ним наедине. Говорить отчиму

о своей особенности я считала ниже своего достоинства, потому либо всеми силами избегала бесед, либо терпела, стиснув зубы. После продолжительной серии лжи боль в боку иногда возникала и просто так, без внешних причин.

В тот период я даже малодушно задумывалась о самоубийстве. Но, когда удалось перевестись на очное отделение – сразу на второй курс, – стало полегче. Очень медленно, но моя прежняя, не такая болезненная во всех смыслах, реакция на ложь вернулась. Еще раз попробовав бесплатно поступить в Москве и снова провалившись (видно, совсем я бездарь), особого стресса я уже не испытала. Связанные с учебной перспективы отъезда испарились, но с мечтой съехать я не рассталась, и вот – возможность таки нашлась. Там, где ее совсем не ждали...

Я чувствовала только спокойную уверенность, а где-то на дне души трепыхалось радостное предвкушение. Сколько еще вечеров мы проведем вдвоем с Тимом – с чашкой чая или бутылкой хорошего вина на кухне, перед телевизором за просмотром уютного или, напротив, будоражащего фильма. Будем ходить в гости к общим знакомым (они у нас обязательно появятся), бродить по осеннему парку, шурша листвой, пить растворимый кофе из ближайшего киоска на скамейке летом и шататься по торговым центрам, смеясь над нелепыми, но остро-модными одежками. Словом, вести веселую, полноценную молодую жизнь, в которой будет место всему, кроме лжи. Кроме того, от чего так устала и истрепалась моя душа.

– Я считаю молчание знаком согласия, – прервал мои далеко уже зашедшие размышления Тим.

– Очень правильно, – отозвалась я.

Следующие минут пятнадцать пришлось посвятить обсуждению сугубо практических вопросов. Произведя некоторые подсчеты, мы пришли к выводу, что искать полноценную работу мне пока необязательно, но найти подработку хотя бы за несколько тысяч рублей в месяц очень желательно.

– Концы с концами мы сведем точно, что будем шиковать – не обещаю, – шутливо произнес Тим.

Я представила себе гору дорогих «шмоток», модные клубы, фешенебельные рестораны, где чашечка кофе стоит как три полных обеда в институтской столовой, и пренебрежительно, если не сказать брезгливо, махнула на все это рукой. Меня оно никогда особенно не интересовало.

– Для меня шиковать – значит проводить время с теми, с кем я хочу, – заявила я – Тим потом долго с восторгом вспоминал мне эту фразу, тогда же просто посмотрел восхищенными, почти влюбленными глазами и энергично кивнул.

В тот вечер, собираясь провожать меня, как обычно, до дома, он открыл ящик, в котором как попало валялись мятые рубашки и не первой свежести свитера, и задумчиво проговорил:

– Надо бы тут и для твоих вещей место освободить.

– Ну, в основном я храню одежду в шкафу, – машинально сообщила я, вертя в голове еще хрупкую, но уже обретающую реальные очертания мысль: я собираюсь переехать жить к лучшему другу. Не на выходные, не на неделю – надолго. Это же серьезно. Это решение, наверное, нужно как следует обдумать... было.

– Совершенно невозможно, Викуся. Мой шкаф набит всяким хламом, вплоть до учебников за шестой класс.

– Зачем ты перевез их с собой?!

– Понятия не имею. Видимо, в приступе нежных ностальгических чувств.

– Знаешь, такую глупость мог сделать только ты! – Я пихнула его в бок локтем.

– Это не глупость, – пихнув меня легонько в ответ, возразил Тим. – Это порыв души.

– Как я могу быть уверена, что в очередном порыве души ты однажды не выставишь меня на улицу в халате и тапочках в тридцатиградусный мороз?

– Такое возможно только в одном случае.

– Ого! Интересно, в каком же?!

– Если я вот в этой футболке и шортах и вот в этих, извините, тапочках буду сидеть на снегу рядом и сетовать на то, что один из нас забыл ключ и захлопнул дверь, выходя выбросить мусор.

– Ты часто выбрасываешь мусор в таком виде зимой?

– Да всегда.

– И я должна буду делать это вместе с тобой, да?

– Ну разумеется, я не собираюсь разлучаться с тобой ни на минуту!.. О Боже, я пошутил, ты в порядке? Это не ложь.

На подобные очевидные шутки мой организм реагировал редко – разве что едва ощутимым покалыванием там же, под ребрами. На сей раз не произошло вообще ничего.

– Черта с два, ты совершенно серьезен, – хохотнула я.

– Отнюдь. Вот сейчас – да. – Тим согнал со своего лица улыбку и нарочито деловым тоном отчеканил:

– Никто. Никого. Ни в чем. Ограничивать. Не будет. И привязывать, и навязываться, и надоедать – тоже.

– Это ты расскажешь своей жене. У нас с тобой союз иного рода, – подколола его я.

– Но не менее приятного, – подхватил он. – Выбери день – и я помогу тебе с вещами.

И только в этот миг на меня накатило осознание – масштабное, но при этом почти успокаивающее, как теплая морская волна: да, это действительно произойдет, и это правильно, и это, может быть, станет началом лучшего периода в моей жизни. Осталось только рассказать матери и отчиму. Задача не из простых, если учесть, что до тех пор я ни словом не обмолвилась им о существовании Тима...

– М-м, что ты сказала? Куда уехать? На отдых? – Мама с аппетитом обглаживала куриную ножку, и, глядя на нее, я подумала, что зря затеяла разговор за ужином, да еще довольно вкусным.

Это было самое удобное время, потому что никто никуда не торопился, но все же было жаль портить благостную атмосферу. Вот сейчас начну объяснять, мама отодвинет тарелку и заговорит со мной очень серьезно – и все, вечер насмарку. Ну почему я не подловила момент, когда Яши нет дома? Перед ним-то я отчитываться не собиралась, его можно было просто поставить перед фактом. Все эти мысли тоскливо пронеслись в моей голове за несколько секунд, прежде чем я произнесла:

– Я имела в виду – переехать. Жить.

– Жить? – У мамы сделался обескураженный вид, будто я ни с того ни с сего перешла на китайский.

В сторону отчима я не смотрела – не повернула голову, даже когда он с напускной строгостью спросил:

– С кем это ты собралась жить?

«Тоже мне суровый отец. И с воспитанием уже проехали, папочка», – так и сидело у меня на языке, но как раз для дискуссий момент был явно неподходящий. Моей главной задачей было максимально твердо обозначить свою позицию. Мысленно я уже распаковывала чемоданы в доме Тима, так что отъезд был делом решенным.

– Я собралась жить с другом. Мы... просто дружим, вы его не знаете. – Напрасно я опасалась, что мама начнет скандалить и отговаривать меня – для этого она была слишком поражена.

Машинально откусив еще немного курицы, отложив ее и вытерев руки бумажной салфеткой, она растерянно пробормотала:

– Я думала, у тебя один парень-друг – Гоша.

– Очевидно, речь не о нем, – встрял Яша, снова всколыхнув во мне волну раздражения. Прошло почти десять лет с тех пор, как он переступил порог нашей квартиры, а я все еще

воспринимала его как малоприятного навязчивого гостя, который почему-то сует нос в личные дела хозяев.

– Это верно, речь не о Гоше. Его зовут Тим, мы общаемся уже полгода, – пояснила я, осознавая, как все это звучит.

Непонятно откуда взявшиеся сухие факты, которые к тому же должны выстроиться в такую картину, чтобы мать облегченно вздохнула: «А, тогда все ясно, конечно, я тебя благословляю и отпускаю». Да черта с два. Никто не смог бы адекватно оценить книгу, зная только сюжет (вернее, выражаясь литературоведческим языком, фабулу). Попробуй-ка оцени так «Войну и мир»: какие-то люди сражаются и гибнут на войне, а потом все между собой женятся, причем совершенно не в тех комбинациях, какие можно было предсказать в первом томе.

– Вот, значит, где ты пропадала вечерами, – осудил меня моралист Яша. – А я говорил матери, что у тебя кто-то появился.

Его покровительственный тон заставил меня дважды глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы успокоиться. Мне не раз приходило в голову, что отчим сам, возможно, чувствовал себя неуютно, войдя в уже готовую, по сути, хоть и переставшую быть полной, семью, поэтому непрестанно пытался самоутвердиться, в том числе за счет своих сочинительских упражнений. Но, пусть бы даже все было и так, для меня это принципиального значения не имело: ни понимать Яшу, ни культивировать в себе сочувствие к нему я не планировала. Единственное, чего мне хотелось, это держаться от него подальше.

– «Кто-то появился» здесь не совсем уместно. Наши отношения... они... совершенно иного сорта, – терпеливо возразила я.

– Если так, зачем тебе к нему переезжать? – Мама, кажется, оправилась от первоначального изумления, и ее голос стал тверже, в нем появились даже легкие враждебные нотки. Это означало, что она приняла бой и заняла свою позицию – возможно, наступательную.

– Мне с ним очень уютно и хорошо. Почему бы не попробовать.

– «Уютно и хорошо» – ходи в гости, гуляй, общайся, а жить с ним зачем?

– Просто хочется. – Боже, что же я делаю? Как капризный малыш, не могу обосновать столь серьезный поступок ничем, кроме упрямого желания!

– О, да ты решила хлебнуть взрослой, самостоятельной жизни, – почему-то с удовлетворением произнес Яша, только что руки не потер. – Я знаю, как это бывает. Когда в шестнадцать я поссорился с матерью и ушел из дома, целый месяц жил у друзей, я почти ничего не умел, даже чай заваривать, а все же нашел аж три подработки, чтобы ни у кого не сидеть на шее, но потом-то все равно понял, насколько уютнее домашний очаг...

А, все ясно, он просто нашел повод себя восхвалить.

– Ты был разумным ребенком, – улыбнулась мама, стараясь не замечать, как я морщусь. Думаю, Яша соврал, как обычно, не во всем и заваривать чай в упомянутом возрасте он действительно не умел (духовкой, например, не мог пользоваться и по сей день).

– Да. Я решила хлебнуть взрослой, самостоятельной жизни, – покорно согласилась я.

По крайней мере, этот тезис звучал емко и логично.

– Ты влюблена в него, на что-то надеешься? – Мать задала вопрос в лоб, отлично зная, что я-то лгать не буду. В этом ей со мной повезло.

– Нет. Просто мне нравится... я в восторге от вселенной, которую он вокруг себя создает, и хочу быть ее частью.

Я сразу же пожалела о своем импульсивном «в восторге», когда Яша пробормотал:

– Посмотрите-ка, сколько эмоций, совсем для тебя не характерно. Дорогая, он тебя что, наркотиками накачивает?

Мама посмотрела на мужа с укором:

– Вика не стала бы...

– Откуда тебе знать, что она стала бы, а что нет?.. Думаешь, ты хорошо ее знаешь? Она себе на уме, ее душа – потемки, она вечно нос от всех воротит, разговаривать не любит и слушать никого не хочет! Что у нее там в голове – одному Богу известно!

Я выслушала эту тираду с насмешливой улыбкой. Надо же, прорвало. Годами, наверное, копил в себе обиду: эта девчонка не желает мне подыгрывать, принимать участие в моем спектакле, портит всю малину.

– Больше я не стану тебя так раздражать, – пообещала я, как только он – возможно, ненадолго – закрыл рот. – Потому что меня здесь не будет.

Раскрасневшийся от волнения отчим нервным жестом поправил волосы (он делал это по сто раз на дню – мне его прическа казалась слишком женственной, ему, возможно, богемной) и обернулся к маме:

– Ты слышала, дорогая?!

Я сочла, что настало время выйти из-за стола: сказать было больше нечего – эстафету принял Яша, а препираться с ним по-прежнему не хотелось.

– Спасибо за ужин, – вздохнула я, – пойду к себе.

Отодвинув стул, я встала и направилась к двери – от того, что я ожидала возражений и не услышала их, по всему телу разлилась непривычная легкость, будто меня освободили от кандалов. Или, как я бы отметила теперь, будто мне сняли гипс и я снова могла мыть посуду, держаться за поручни в маршрутке и обнимать близких обеими руками.

Я вошла в свою комнату и закрыла дверь. Почему-то захотелось прошептать: «Свобода». Не закричать, а именно прошептать, чтобы не спугнуть.

Мама постучалась через пару минут. На лице у нее застыло смирение, отчего я почти прослезилась. Мама, мамочка, прости и поддержи меня, ладно? Я могу остаться ради тебя, но это мой шанс не получать больше ударов под ребра – и, как знать, может, я еще вернусь?..

Все это мне хотелось вывалить на нее – вот бы она удивилась, обычно я и правда бывала более сдержанной – но вместо этого на ум пришла единственно верная фраза. Та, с которой, наверное, стоило начать. Это она должна была понять. Я сказала:

– Он ни разу мне не соврал. – Разговор о бывшей девушке, о котором я тут же запоздало вспомнила, был небольшим исключением – им можно было пренебречь.

– А-а, – протянула мама как-то беспомощно.

Ее взгляд говорил: «Давай не будем развивать эту тему, пожалуйста. Сделай как ты хочешь, только закрой ее». Ее стандартная реакция на упоминание о моем даре. Ничего, это было необходимо.

– Познакомишь нас? – выговорила она.

Ура. Я с готовностью кивнула.

– Надеюсь, что ты попросишь.

О том, что не влюблена в Тима, я, разумеется, сказала правду. Однако я, возможно, не осознавала, что увлечена им – так, как увлекаются новым хобби, или музыкальной группой, или поэтом. Иными словами, я позволила себе попасть под его влияние и ощущала гордость от того, что «открыла» его, такого необычного, хотя бы для себя. Вот и с мамой желала поделиться: смотри, мол, какое сокровище я откопала. Но я не учла того, что мама не знала Тима полгода, у нее не было с ним всех этих историй, тонких шуток и околофилософских разговоров, поэтому ей оставалось руководствоваться только первым впечатлением.

Что идея познакомить их была не так уж хороша, я поняла, едва Тим переступил порог нашей квартиры – как обычно, растрепанный, будто только что из постели, небритый, в сером свитере, который в незапамятные времена был белым. Когда он продемонстрировал маме свою щербатую улыбку и протянул ей букет странных цветов, похожих на чертополох, я сникла.

– И нечего глядеть на меня волком, я ненавижу дарить розы, – громко обратился ко мне Тим.

– По мне так лучше розы, но ты как всегда, – ворчливо отозвалась я, инстинктивно выбрав насмешливо-покровительственный тон и сведя тем самым на нет романтический контекст, который у этой встречи все же наблюдался.

– Мне нравится, – с легким недоверием рассматривая то букет, то – украдкой – Тима, проговорила мама.

Привычного удара под ребра я не ощутила.

– Пойду поставлю в воду, – закончила она.

– В воду? Да хватит тебе, и без нее обойдутся эти колючки, – хохотнула я.

– Цветы надо любить – это верно, но «не следует с ними церемониться», как справедливо заметил Эрих Мария Ремарк, – внезапно ввернул цитату Тим (даже не подозревала, что он знает наизусть Ремарка, вот уж точно человек-сюрприз).

– Хм-м, – успела произнести мама, прежде чем Тим, переобуваясь и вешая куртку на крючок, на одном дыхании выпалил:

– Цветы – это ведь что? Дети природы, доказательство ее мощи, как, скажем, водопады, или меловые горы, или море – мог ли человек создать подобное? Разумеется, нет. Природа как бы насмеяется над нашей беспомощностью, делая нам такие подарки. А мы, тем самым снова показывая ей свою никчемность, срываем эти цветы и ставим их в свои вазы... главное же – присвоить, завладеть, а остальное неважно...

У мамы, кажется, даже рот приоткрылся от изумления. Я закатила глаза и, поймав взгляд друга, покрутила пальцем у виска: какого черта он пугает ее своими бреднями?! Впрочем, я при знакомстве тоже выслушивала про банки, снеговиков и офисный планктон. Очевидно, это обязательная программа, нечто вроде посвящения.

– Вы думаете, этим цветам не место в вазе? – Как и я когда-то, мама попыталась найти в одухотворенном монологе Тима логику.

– Ну почему, на ваше усмотрение, – пожал плечами Тим и снова улыбнулся во все свои тридцать зубов. Кроме нижнего, еще одного не хватало сверху, но это бросалось в глаза не так сильно.

Яши, к счастью, дома не было – на сей раз время я выбрала правильное. «Чертополох» (мама поставила его в вазу, правда, воду наливать не стала) занял почетное место в центре нашего стола, а блюдо с запеченным мясом почему-то оказалось ближе к Тиму. Мама считала, что все мужчины много едят, и рациональное зерно в этом было, вот только Тим питался раз в день, да и то чем бог пошлет. Мясо и рыбу он посылал редко, куда чаще – сэндвичи, блинчики из супермаркета и чипсы.

Паузы за столом опасаться не стоило. Тим (в отличие, кажется, от мамы) чувствовал себя очень комфортно.

– Великолепно, – едва прожевав кусочек мяса, заявил он. – Как раз такое в моем детстве готовила мама. Эх, иногда так хочется снова отведать ее еды...

Поймав вопросительный и одновременно почти сочувственный взгляд моей мамы, Тим пояснил:

– Она живет в другом городе. В Ельце. Там я родился.

– Ну, это не так и далеко отсюда, – с явным облегчением выдохнула мама.

– Мы нечасто друг к другу ездим.

– Вы сюда прибыли учиться?

– Да, в нашем городке очень красиво и уютно, но перспектив маловато. Хотя родители трудятся всю жизнь в одной фирме, оба бухгалтерами, и не жалуются. Вполне прилично для Ельца зарабатывают... и переезжать не хотят.

– А вы... планируете остаться здесь? Ведь, я так поняла, учебу вы уже закончили.

– Конечно, я останусь. Это на сто процентов мой город. Может, потом и родителей попробую забрать. Ну, когда у меня будет своя квартира.

– Сейчас снимаете? – Судя по напряженно-заинтересованному тону, они подобрались как раз к той теме, которая волновала маму больше всего.

Что-то подсказывало мне, что пока вмешиваться в беседу не стоит, и я делала вид, будто поглощена едой.

– Да. К сожалению, не в центре города, но почти от моего дома до Викиного института ходит прямая маршрутка. – Тим победно улыбнулся, точно в этом была его личная заслуга.

– Квартира двухкомнатная? – Мама пропустила его реплику мимо ушей.

– Однокомнатная. Две кровати, – уловил суть он.

– Комната большая?

– Я бы сказал, да. Аж метр на метр. Шучу.

– Не лучший момент для шуток. Мы обсуждаем важные вещи, – холодно заметила мама.

– Именно поэтому я пытаюсь разрядить атмосферу, – не растерялся Тим и, тоже на удивление серьезно, произнес, глядя ей в глаза:

– Я никогда не обижу вашу дочь. Она будет счастлива. Обещаю.

– Зачем вам жить вместе? – прямо спросила мама.

Мне было дико интересно, что же он ответит, но Тим молчал и улыбался – и так секунд пять. Я с ужасом подумала, что он готовится выдать очередную импровизированную теорию, но все обошлось.

– Просто это будет замечательно, – пожал плечами он.

– Замечательно для вас? Вы хотите, чтобы она платила свою долю за квартиру? Но Вика пока студентка...

– Мы уже все обсудили, мам, – не удержалась я. – Я буду немного подрабатывать, но не более.

– Вы как сговорились. Оба одурманены этой странной идеей.

Если мама выходила из себя, остановить ее было сложно. Она никогда не опускалась до истерик и криков, но чеканила фразы так колко и жестко, что каждую из них можно было опускать в шампанское вместо льда. «Ну вот. Знакомство провалилось», – уже подытожила я мысленно.

– Согласен, затея нерядовая, – не стал спорить с мамой Тим.

– Что вам нужно от моей дочери? – продолжала она.

– Ваша дочь, – невозмутимо отозвался он.

– Ее тело?

– Нет.

– И не деньги.

– И не деньги.

– Что тогда?

– Я уже ответил.

– И ваши отношения останутся дружескими?

– Мама!.. – взмолилась я.

– Я говорю не с тобой, – рубанула она.

– Пока ничто не предвещает перемен. Но разве это так важно? Нам хорошо вместе. Легко. И тепло.

– Вы неминуемо разрушите это – либо сексом, либо бытом. Или и тем, и другим. Вы это понимаете или нет?

– Вот оно мне нужно – портить отношения с самым близким человеком. Как только что-то начнет рушиться, я тут же выставлю Вику из квартиры.

Мама посмотрела на Тима с ужасом, потом вдруг хмыкнула и повернулась ко мне:

– Он ведь не врет, а?

– Не-а. Но, полагаю, все-таки шутит. – Я улыбнулась без особой надежды спасти ситуацию, однако, к моему изумлению, мама вдруг начала посмеиваться, причем смех перешел в громкий хохот – не истерический, не злой, а добрый и почти радостный.

К ней присоединился Тим – он-то был любителем повеселиться по любому поводу.

– Я должна посмотреть вашу квартиру, – наконец сообщила мама гораздо более дружеским, чем до этого, тоном.

– Сейчас? – осведомился сияющий Тим.

– Почему бы и нет. Поехали.

Они посмотрели друг на друга почти заговорщицки, но мама тут же отвела взгляд. Я не совсем понимала, как и почему, но на тот момент Тим смог расположить ее к себе. И на меня снизошло счастливое умиротворение, как в конце мелодрамы, когда герои, пройдя положенные им испытания, наслаждаются заслуженным хэппи-эндом.

Но, пока ты жив, любая ситуация в любой миг может повернуться как черной, так и белой стороной – это закон настолько непреложный, что его и обдумывать-то смешно. И, наверное, истинный (и окончательный) хэппи-энд – это безмятежная, безболезненная смерть в сто десять лет в своей постели в окружении правнуков, которые не рыдают, а со светлой улыбкой провожают тебя в мир иной. Увы, в жизни это крайне редкий случай, а в фильмах под понятие хэппи-энда он почему-то не подходит.

Я переехала через две недели. Было уже совсем тепло, и грядущий май я воспринимала как знак прекрасных перемен. В день новоселья мы с Тимом напились вдвоем так, что наутро едва соскребли себя с постели (вернее, с постелей – разных). А что было дальше...

Если вспоминать все, не хватит и тома. Все было почти как я представляла, только... еще лучше. Наступило беззаботное, ничем не омраченное время, наполненное пьянящим духом свободы, которая, оказываясь, была мне так нужна.

Мы гуляли допоздна по теплым уже скверам. Читали взахлеб одну книгу на скамейке: каждый спешил закончить страницу раньше другого, а после мы обсуждали роман (это было произведение японского автора в трех томах – мы осилили его за месяц). Сходили в гости к коллегам-приятелям Тима, один раз пригласили к себе Гошу.

Угощения были незатейливыми, готовили мы оба со скрипом, что являлось больше поводом для шуток, чем проблемой. Зато у нас всегда водились дешевые сладости из ближайшего гастронома, за которыми мы могли отправиться и на ночь глядя: вафли, халва, мармелад. Дома частенько царил беспорядок, и шкаф, деловито разобранный мной после переезда, снова набился всяким хламом, теперь и моим тоже, но сладости неизменно оставались на своих местах – в двух маленьких прозрачно-голубоватых вазочках на столе. Эти вазочки – символ нашего с Тимом совместного быта – до сих пор стоят у меня перед глазами.

Посуда не мылась днями. От единственной в доме сковородки я несколько месяцев не могла отскрести последствия своего кулинарного фиаско – стыдно признаться, но я пыталась приготовить всего лишь котлеты. Мы могли запланировать на воскресенье уборку, а потом махнуть на нее рукой и целый день кататься по городу на автобусе с плеером. Наши плейлисты сначала идеально дополняли друг друга – у него я находила песни, которые давно нравились мне и которые я никак не могла найти, не зная названия и имени исполнителя; у Тима была та же ситуация с моим плейлистом. К середине лета, потихоньку скачивая музыку друг у друга, мы сделали наши списки воспроизведения практически идентичными.

– Честно признайся, кто из вас под кого подстраивается? – допытывалась по телефону моя лучшая подруга Аня, жившая в Питере. – Понимаешь, таких отношений просто не бывает.

– Мы оба ведем себя естественно, – правдиво отвечала я.

– Значит, вы созданы друг для друга, – заключала она. – И почему вы все еще не пара?

Иногда мне казалось, что мы уже и есть пара – по крайней мере, мы проводили почти все время вдвоем и ни он, ни я даже не задумывались о том, чтобы впустить в свою жизнь кого-то

еще. К его неординарной внешности я совершенно привыкла, хотя не скажу, что она стал меня впечатлять. Я перестала стесняться Тима перед людьми (с учебы и мест моих эпизодических подработок он частенько меня встречал), но представить его своим парнем не могла.

Окружающие буквально считали дни до какого-либо изменения в нашем неопределенном, на их взгляд, статусе. Мама с Яшей постоянно осведомлялись, когда я уже наиграюсь в самостоятельность и вернусь домой – хотя на месте Яши я радовалась бы свободе от меня. Гоша, в отличие от деликатной Ани, спрашивал прямо: «Не переспали еще?». Я долго смеялась в ответ.

Моя жизнь с Тимом была похожа на сплошной праздник, когда знаешь, что рано или поздно это закончится, но готов сделать все от тебя зависящее, чтобы эта веревочка вилась как можно дольше.

Рубеж мы перешагнули осенью. Неожиданно, спонтанно... и в то же время не слишком. С конца лета характер наших отношений стал понемногу меняться. О таком не говорят, особенно если говорить еще не о чем, но это всегда чувствуется. Чуть больше «дружеских» объятий, чуть чаще моя рука оказывается в его руке и на мне задерживается его вроде и не пылкий, но и не совсем уже платонический взгляд... А когда на столе вечерами появляется бутылка недорогого вина из супермаркета, мы, расслабившись после пары бокалов, затрагиваем все более личные темы.

Так я узнаю, почему они расстались с последней девушкой: она была на три года старше, и ей вроде как нужны были перспективы. Стабильность с жильем – ну и, как водится, свадьба, ребенок. Тиму даже казалось, что он вполне готов ко всему этому, но так не казалось ей. «Ты слишком легкомысленный, я тебе не доверяю», – заявила она и упорхнула из их почти уже семейного, хоть и съемного, гнездышка. Кстати, снеговика в двадцатиградусный мороз Тим лепил именно этой девушке.

– А сейчас еще любишь ее? – спросила я однажды.

Это было в конце августа – я, вернувшись от мамы с Яшей, сидела на нашей кухне в новом красном сарафане, купленном со скудной зарплаты в турагентстве (я два месяца была помощником туроператора). На скатерти отпечталось бордовое винное пятно – пробка от «Мерло» не поддалась, и мы решили затолкать ее в бутылку, а она, плюхнувшись на дно, забрызгала стол и немного стены. «Место преступления», – пошутила я.

– Люблю ли? – отозвался Тим и, зачем-то повертев в руке наполненный бокал, заметил:

– Ты уже спрашивала.

– Четыре месяца назад. И ты соврал, – напомнила я.

– Тогда еще что-то было. Теперь... нет.

Я напряглась, ожидая известного знака изнутри, но его не последовало. На этот раз Тим говорил правду.

– Так быстро прошло? – К своему удивлению, я сразу почувствовала себя свободнее, даже вытянула под столом скрещенные до этого босые ноги.

– Ну как «прошло»... я помню ее и ценю время, что мы провели вместе, но надо же идти дальше. Лично я уже иду. – Тим многозначительно помолчал пару секунд. – И она, думаю, тоже.

– Ты не знаешь?

– Нет, не общаемся, а справки наводить не хочу, к чему мне это. Из соцсетей она удалась. Может, нашла подходящего кандидата в мужья и ей теперь не до интернета. Да хоть бы она и вышла замуж – меня это не покоробит, я желаю ей счастья.

– Она стала чужой для тебя? Как странно. А всего год назад вот за этим столом вместо меня сидела она.

– Мы не пили вместе. Она считала, что алкоголь уместен только по праздникам.

– Мне стыдно, – подлив себе еще вина, усмехнулась я.

– Тебе нечего стыдиться. – Тим накрыл ладонью мою руку и посмотрел мне в глаза. Снова – долгий и неопределенный взгляд, на который я пока не знала как реагировать. То был один из последних жарких дней года. Через неделю похолодало основательно – я поехала к маме с Яшей за своей курткой. Мама чуть ли не с порога начала:

– Полгода дома не живешь... довольно уже, м?

– Мне очень хорошо, – как обычно, ответила я.

– Вы все время вместе...

– Не все.

– Практически все время. Наверняка он хочет большего.

– Не думаю, – возразила я и впервые усомнилась в этом. А что если..?

– Тогда это ненормально. Может, он... – Мама понизила голос до шепота, хотя подслушивать нас было некому (отчима, к счастью, не было дома). – Может, он из «этих»?

Я, не удержавшись, улыбнулась.

– Ерунда. У него были девушки.

– А сейчас?

– Нет, я бы знала.

– И что будешь делать, если девушка появится?

Я почему-то не восприняла эту возможность всерьез, но, чтобы сделать маме приятное, ответила так, как ей хотелось:

– Тогда я не буду мешать его личной жизни и вернусь к вам.

Натянув куртку, я стала запаковывать пиджак, в котором пришла, в пакет, безуспешно пытаюсь его не смять (у нас с Тимом уже месяц как сломался утюг).

– Оставь пиджак тут, – со вздохом предложила мама. – Вряд ли уже потеплеет.

– Лучше забери.

– А умнее оставить. До весны многое изменится.

– А, ясно, ты думаешь, я успею вернуться, – хохотнула я.

Мама продолжала ждать меня домой со дня на день. Наверное, мне было больно от этого, потому я старалась воспринимать ситуацию с юмором. Было у кого учиться.

– Ты намекаешь, что мои понятия устарели. Зато ты живешь правильно и современно? – уязвленно переспросила мама, отойдя на пару шагов. – Ну что ж, взрослая и самостоятельная, я тебе мешать не буду. Возьми в шкатулке пять тысяч и возвращайся к своему недожениху, хоть будет на что поесть.

Это был выпад в сторону Тима, которому все лето по непонятным причинам урезали премию на работе, так что мамина денежная помощь приходилась очень кстати. Но на сей раз я ее отклонила.

– Не нужно мне ничего! И так проживем, спасибо, – запальчиво проговорила я и, едва попрощавшись, вылетела из квартиры.

Давно я не бывала настолько взвинчена, особенно после переезда.

– Что-то случилось, – с порога понял Тим и, обняв меня за плечи, провел в комнату. – Вижу, вино снова к месту.

– Мы стали много пить, – угрюмо заметила я, бросая прямо на пол сумку и пакет с пиджаком. – Сколько стоила эта бутылка?

– Солнце, ты похожа на сварливую жену, – рассмеялся Тим, но мне было не до шуток.

– Мы еле сводим концы с концами, а ты который вечер подряд разоряешься на алкоголь! Может, и твоя бывшая девушка, и моя мама – правы? Ты слишком...

– Я – слишком, – перебил меня он. – Быть правильным скучно, когда в человеке всего в меру, такой человек никогда не будет счастлив, потому что всю энергию, которую он мог бы направить на достижение внутренней гармонии, он тратит на то, чтобы быть как все, соответствовать стандартам...

– Очередная теория, – устало подытожила я. – С меня достаточно.

– Что значит «достаточно»? – На лице Тима внезапно отразилось замешательство, чуть ли не страх.

– У меня был длинный день, и я хочу спать.

– Вот ты о чем. – Очевидно, он решил, что я имею в виду нечто более глобальное.

– Ты уверен, что заплатил по всем квитанциям? Мне кажется, я вчера видела в почтовом ящике платежку.

– Да, я заплатил, ты же мне напомнила. Не желаю думать о бытовом – у меня романтическое настроение.

– Смотри, еще заразишь им меня, – заулыбалась я.

С этим человеком просто невозможно было долго оставаться суровой и деловой. О каких там «серьезных отношениях» толковала мама?! Одно слово «серьезный» решительно не вязалось с его образом.

– Заражу! Именно это я и пытаюсь сделать. – Не успела я оглянуться, как Тим вложил в мою руку уже наполненный до краев бокал вина. – У меня хорошие предчувствия насчет этого сентября.

– Да? Какие же?

– Невнятные. Я и разбираться не хочу. Главное – хорошие. Произойдет что-то волшебное. За это и выпьем.

В ту осень холодало буквально на глазах: в середине сентября я уже ходила в теплых колготках, а в двадцатых числах прогнозы обещали заморозки и ветер за окном, как в анекдоте, «ласково трепал арматуру». Отопление в квартире пока не включили, мы спасались обогревателем, я частенько набирала себе горячую ванну (Тим не понимал меня в этом – предпочитал душ).

Двадцать седьмого сентября, когда на город внезапно обрушилась снежная буря, я вернулась домой вечером, после института и подработки, уставшая и продрогшая до костей. Тима еще не было; те минут пятнадцать, пока набиралась ванна, показались мне часом – я провела их закутавшись в плед и усиленно дыша на свои руки. Когда наконец вода в ванне достигла нужного уровня, я сбросила шерстяное платье, колготки и нижнее белье и с наслаждением погрузилась в этот теплый рай. Мелькнула мысль, что я забыла в комнате халат.

«Тим придет не раньше чем через час, так что я успею выйти. Да пусть даже он увидит меня завернутой в полотенце – подумаешь, мы давно свои люди, переживет», – решила я. И впервые у меня пронеслось в голове игривое: «Интересно, а если бы я, проходя мимо него, развязала полотенце, как бы он отреагировал?». Скорее всего, сильно удивился бы, но, быстро справившись с первоначальным шоком, сделал то же, что сделал бы, окажись на моем месте любая другая более или менее привлекательная девушка. В конце концов, я ничуть не хуже их – просто я... его подруга. И только.

Уже некоторое время, согревшись и расслабившись, я думала о чем-то постороннем, когда услышала стук закрываемой входной двери. «Ах да, сегодня же пятница, сокращенный день», – вспомнила я.

Судя по звуку шагов, Тим подошел к ванной. В ней горел свет, хотя дверь я и не заперла – он не мог не понять, что тут занято. Тем не менее, несколько секунд спустя он появился на пороге, и меня тотчас обдало холодом из прихожей. В ванной было значительно теплее, даже стекла зеркала запотели.

– Закрой! – Это была моя первая реакция. И только второй стало удивление:

– Что с тобой?

Не отрывая от меня взгляда (а в этот раз у меня не хватило терпения воспользоваться гелем для душа, так что моей наготы не скрывала даже пена), Тим принялся расстегивать ремешок часов. Потом – ремень на брюках.

– Ты чего? – повторила я.

– Хочу принять ванну вместе с тобой, – отозвался он, совершенно не смущаясь, будто для нас это было обычным делом.

– Замерз? – спросила я слегка напряженно.

– Очень. Душ здесь не поможет.

Тим освободился от одежды и расположился в довольно тесной ванне напротив меня.

– Как в джакузи, – пошутила я, стараясь смотреть в сторону, на его брошенные поверх стиральной машинки джинсы.

«В выходные надо забросить в стирку все джинсовое», – механически отметила я.

– Куда ты так пристально глядишь?

– Э... Не знаю.

– А почему не на меня? Я тебе не нравлюсь?

Как я уже отмечала, фигура Тима была далека от идеала, но, судя по тону, ответа «не нравишься» он просто не допускал. Ну, как всегда. Может, поэтому у него и было немало девушек – все дело в этой ауре непоколебимой уверенности.

– Да ты Аполлон, кто спорит-то, – пробормотала я с улыбкой.

Наши ноги под водой не то что соприкасались, а практически сплетались друг с другом, и я не могла понять, что ощущаю по этому поводу. Скованность, легкое стеснение – безусловно. Удовольствие? Пожалуй, да, немного. В тот момент я еще была уверена, что мы просто посидим вместе в ванне, а потом оденемся и как ни в чем не бывало отправимся смотреть кино. А это что-то вроде очередного витка нашей безусловной близости.

Мы заговорили об отвлеченном: работа, учеба, снег («Надо же, сколько напало, как зимой!»), недавно прочитанная нами повесть... Не знаю, как моя рука оказалась на бедре Тима, его – на моей талии и ниже, как встретились наши губы, кто из нас положил начало этому сумасшествию – жадным прикосновениям, объятиям, поцелуям, которыми мы никак почему-то не могли насытиться. В голове то и дело вспыхивали только две обрывочные мысли: «Но ведь я никогда не хотела...» и «это так приятно...». Всплывали – и тут же гасли: было не до размышлений.

Мы забрызгали водой весь пол и коврик возле ванны, потом как-то стремительно оказались в комнате под одеялом... помню белое постельное белье на кровати Тима – из гладкой, напоминающей шелк, но куда более дешевой ткани, с которого мы то и дело почти соскальзывали. А одеяло соскальзывало буквально, и, несмотря на то что отопление не работало, мы не спешили возвращать его обратно. Теперь было и без того жарко.

Так начался совсем другой период. Менее гармоничный, более острый и суетной, период бесконечных метаний и осмысливаний. Казалось бы, наша дружба перетекла в нечто большее довольно органично – почему было просто не позволить течению и дальше нести нас вперед? Тим, похоже, именно так и рассуждал, если он вообще умел рассуждать.

У меня было иначе. Осознав, что это был не случайный эпизод и все бесповоротно изменилось, я первым делом испытала страх.

– У нас с тобой отношения? – Я никогда не чувствовала себя глупее, чем в момент, когда задавала Тиму этот вопрос – требовательно, с надрывом, точно любовница, собирающаяся отомстить своего обожаемого у жены.

Да еще момент вряд ли был подходящий – и одеяло опять соскальзывало, так что мы оба подоткнули его под себя и лежали как в коконе. С пятницы прошло всего два дня.

– Ну, зачем сразу как-то это обзывать. Главное, тебе хорошо? – ласково ответил Тим, перебирая мои спутанные волосы.

Мысленно я каждую минуту пополняла свою коллекцию мгновениями и образами, которые совсем недавно показались бы невероятными, нелепыми. Его мягкие ладони – на моей

обнаженной коже. Пальцы, сплетающиеся с моими так естественно и в то же время почти торжественно... Из таких мелочей все и складывается. А обратно потом уже не разложишь.

– Да... мне хорошо, – прошептала я, – но...

– Какое еще «но». – Тим закрыл мне рот поцелуем – а интересно, он, кажется, с сюрпризом, тверже и жестче, чем я думала – знает, чего хочет и не упустит этого... а я в его ловушке, в умело расставленных сетях, разве это не прекрасно?..

Но нет, не прекрасно, к черту ловушки, мне нужна обратно моя свобода, а не отношения, ведь несколько дней назад я была счастлива, а теперь – как на иголках и беззащитна, будто младенец, подкинутый к двери чьей-то избушки под покровом морозной ночи. В окнах свет, но откроется ли дверь – или мне предстоит мучительно замерзнуть здесь, в шаге от теплого очага?..

– Ты не хочешь меня слушать, – пробормотала я.

– Верно, – с удовольствием согласился Тим. – А зачем нам вообще слова?

– Я собираюсь сказать что-то важное! – капризно возразила я.

– Ладно, я весь внимание.

– Прекрати!

– Что?

– Ты можешь не касаться меня хотя бы минуту? Это отвлекает!

– Лежать рядом с раздетой девушкой и не касаться ее целую минуту? Лет в восемьдесят – может быть...

Я все-таки сдержала улыбку. Нет уж, надо высказаться, чтобы больше не болело, не нарывало, а то после будет хуже. Сбросить этот груз сейчас – и больше ничего не бояться. И тонуть в его объятиях, и смеяться, и шутить, и целоваться, и все-все-все, если только захочется. Плохо было одно: я не понимала, как сформулировать то, что меня разъедает, а долгих обрывочных объяснений Тим, кажется, не выдержал бы. В былые времена – за кухонным столом с бокалом вина – слушал бы часами, а теперь, сорвавшись с петель, выбравшись из пут, он стал нетерпеливым, даже резковатым в своей нежности. А что если я не знала его и все это время он всего лишь выжидал, на цыпочках обхаживая «добычу»? Этого-то мой «детектор» распознать не мог...

– Тим, мне не по себе. И не только потому что ты открылся для меня в новом свете...

– Ты намекаешь, что бра лучше погасить? Мне темнота тоже кажется более волнующей...

– Тим!

– М-м?

– Со мной непросто. Я чувствую, когда врут.

– Тоже мне Америку открыла. Лучше бы сообщила что-нибудь новое. О своих сиюминутных ощущениях, например... Можешь описать их? Лично я сейчас ассоциирую себя с огромным всемогущим китом в безбрежном, беспокойном и в то же время величественном океане...

– О не-ет. Опять.

– Что?

– Ничего... понимаешь, мне нельзя ни с кем быть. Я не верю людям... я их даже немного презираю.

– Меня не презираешь? – осведомился Тим, вроде бы наконец-то настроившись на мою волну.

То, как он ускользал до этого, вызывало во мне чуть ли не панику. Как будто он был моим соперником в бою без правил, исчезнувшим из обзора, так что в любой момент можно было ожидать удара. В спину или в упор – неважно, я была слишком растеряна, чтобы выдержать, а тем более отразить любой из них. Пришлось успокаивать себя на выдохе после глубокого, продолжительного вдоха: «Это ведь Тим, вы не враги, вы лучшие друзья, и он тебя обязательно поймет. Вот, уже перестал менять тему».

– Тебя – разумеется, не презираю.

– Я часто тебе врал?

– Почти никогда.

– И что должно измениться? – Простые, четкие, логичные вопросы, на которые у меня не было ответов.

– Мы все испортим, – промямлила я.

– Слышал это же от твоей мамы, – развеселился Тим и крепко прижал меня к груди. – Не знал, что ты такая примерная дочь.

– То, что я не живу с мамой, не значит, что я ее не уважаю, – внезапно распалилась я. – Дом я покинула не из-за нее, а из-за отчима, то есть моей... способности, и я не хочу, чтобы когда-нибудь меня так же... тошнило от тебя!

– О, неужто я так ужасен? А мне-то показалось, что тебе по душе... – Тим улыбнулся, но мое лицо оставалось каменным, и он сдался. – Ну хорошо, хочешь серьезно – давай. У тебя мало опыта, ты наверняка вспоминаешь неудачные романы знакомых – с интригами и изменами, – и тебе кажется, что дружба очищала нас от этой грязи, а как только я делаю вот так, – он стремительно поцеловал меня в губы, – вся она тут же грозит к нам прилепиться? Нет. И вообще, отношения – это не чужеродная субстанция, с которой неясно как обращаться, чтобы не взорвалась. Это... просто ты и я. Как раньше. Только лучше. Поняла?

Я с готовностью закивала. Он верно все уловил – что-то подобное я и хотела услышать вместо отстраненной псевдофилософии. Конечно, Тим взрослее, опытнее, не боится лжи, ничего не боится – так пусть защитит, научит, возьмет на ручки и донесет туда, куда мне пока не дойти. А потом я начну ходить сама, и страхи отступят. Главное – не потерять его, иначе все лишится смысла.

Нет, это не было похоже на сделку (я соглашаюсь быть с ним, если ему это нужно, чтобы не расстаться совсем) – мне тоже нравился этот омут, эта игра, только не хотелось запутаться в правилах и сбиться на старте.

– Я люблю тебя, Вика, – шепнул мне Тим.

– И я люблю тебя, – без колебаний отозвалась я.

Мы много раз говорили это друг другу и раньше – пусть и с другой интонацией, при других обстоятельствах, но так же искренне.

Еще пару месяцев мы ничего никому не рассказывали. В этом было особое очарование: мы существовали в своем замкнутом мирке, наслаждались близостью и чувствами, в которых искали – и находили – все новые оттенки. В конце октября, приняв в гостях мою маму – пока еще в статусе «друзей», – мы потом целый вечер шутили на тему «Она точно догадалась»: «а вот ты сказал...», «а она заметила...», «ты еще так посмотрел...». Это было пикантно, остро, здорово.

Не скажу, что я тогда уже успокоилась – страхов и метаний оставалось по-прежнему море (иногда я даже чувствовала себя обманутой: я верила в святость дружбы, а Тим просто сломал все барьеры – выходит, то, чему я поклонялась, не существовало??). Но все утихло, когда я оказывалась в его объятиях – надежных, нежных, даже неизбежных. Иногда мы слегка ссорились – я ворчала, а он отшучивался и бесил меня этим, я снова огрызалась, тогда он умолкал и полчаса-час старался меня не трогать. Но потом я все равно засыпала на его плече.

Перед новым годом Тим на пару дней уехал к родителям, а я не смогла к нему присоединиться из-за зачетной сессии и в итоге так и не выспалась: ворочалась, пугалась всех шорохов, от мерного тиканья часов и то было неудобно. По словам Тима, он чувствовал то же самое.

Мама отреагировала на новость о наших отношениях (когда-то я должна была ей сказать) кратким «Ну смотри, я предупредила». Яша продолжал пребывать в неведении и периодически высказываться о нашей «дружбе» в саркастическом тоне. Однажды он заявил:

– Вика, дорогая, я тут песню по радио услышал о вас с тем парнем: «Просто давай дружить, в губы давай дружить, я буду твоим НЛЮ»...

– А, Земфира, ее хит «Кто, если не я», – как ни в чем не бывало кивнула я.

Эта песня была у нас с Тимом в плеере – сколько раз мы вполголоса, чтобы не потревожить остальных пассажиров, подпевали в маршрутке: «Я всегда буду за тобой, я всегда буду за тебя, нет, не отпущу...». Еще не начав встречаться, мы были настолько сложившейся парой, что это выглядело странно. И как мы могли так долго находиться рядом и делать вместе все, кроме самого естественного и очевидного?

Да, в какой-то момент я смогла убедить себя в том, что пара – это те же друзья, только более близкие, и никаких сложностей здесь нет. И все же его прежние признания (дружеские, как мне тогда казалось) вселяли в меня хоть и меньше трепета, но больше счастливой уверенности. Теперь свое правдивое «люблю» он частенько выпаливал коротко, метко, как выстрел, и тихо – я даже переспрашивала: «Что ты сказал?». И это было совсем не похоже на его спокойное, осмысленное «я люблю тебя», которое я слышала раньше.

Природа моего страха была очень проста: то, что происходило между нами с сентября, не могло длиться вечно. По крайней мере, отстаивать это на улице с транспарантом я бы уже не вышла. Новая почва была более зыбкой, и иногда я немного скучала по старым временам. Просыпалась среди ночи, пронзенная жуткой мыслью: «Почему нельзя как раньше?!», а потом придвигалась поближе к спящему, ровно дышавшему Тиму и снова падала в сон, будто отключалась.

Самое интересное – я сказала бы, судьбоносное – произошло в начале весны. Я отправилась к маме с Яшей. Для марта на улице было тепло, а в натопленной квартире – даже жарко, так что я изнывала за ужином в своем вязаном свитере. Мама предложила снять его и надеть что-то полегче, но я отказалась, а теперь жалела об этом – мое место за столом было как раз возле батареи. От горячего чая на лбу выступила испарина, а тут еще Яша болтал ахиною – я слушала вполуха, вроде бы речь шла о бабуле, которую он в ранней юности спас из полыньи.

– Мне душно. Голова закружилась. Пойду прилягу, – сказала я, опустив ложку на тарелку с недоеденным пирогом.

Мама, немного забеспокоившись, проводила меня в комнату, принесла-таки футболку переодеться и взбила мне подушку. А отчим, будто и не обратив внимания на этот эпизод, тут же уселся рядом со мной в кресло и продолжил повествование о своих подвигах.

Я не сильно удивилась – остановить его в подобных случаях было все равно что отвлечь на пустяки писателя, сочиняющего развязку романа. У Яши даже лицо преобразалось, когда он рассказывал все эти истории. Глядя, как он оживленно жестикулирует и как горят его глаза, я лениво подумала: «Несладко, наверное, черпать все вдохновение из вымышленных фактов».

Если бы не головокружение и легкая дурнота, я бы точно заметила: что-то не так. Но только в маршрутке на пути домой я вдруг осознала это – и буквально подскочила на сиденье. Кажется, я и вслух произнесла: «Ну надо же!». До дома дошла в ошеломлении, не видя ничего вокруг.

– Представляешь, мой отчим в четырнадцать лет вытащил из ледяной воды тонущую старушку, – громко сообщила я, едва переступив порог.

Тим, посмеиваясь, выглянул из кухни.

– Ты хорошо его поняла – может, то был пожар и вовсе не старушка, а мальчик, за спасение которого ему подарили именные часы, как в «Денискиных рассказах»? Я котлеты по-киевски ем, хочешь?

– Да я после ужина, погоди... ты готовил?! – удивилась я, слегка отвлекшись.

– Нет, купил их в кулинарии.

– Уф, тогда все в порядке, я уж испугалась.

– Сама-то, сама...

– Хватит, я, между прочим, делаю успехи! Мне хорошо даются макароны с сыром и жареная картошка!.. Ты меня сбил. Я тебе что говорю – Яша рассказывал эту прекрасную приключенческую историю с собой в главной роли, а я хоть бы хны! Ничего внутри не пошевелилось. Выходит, это правда!

Тим поднял от тарелки лицо – весь подбородок был в масле.

– В этой котлете масла больше, чем мяса! Давай, любимая, я тебя поцелую, м-муа...

– Иди к черту, – расхохоталась я и, подойдя, чмокнула его в затылок.

– Тогда давай обниму, у меня и руки теперь «жирные»...

– Ты вообще способен что-либо воспринимать всерьез?

– Нет, а зачем?

– Тим! Мой отчим в юности совершил такой поступок! Значит, когда-то он был...

– ... не так безнадежен, да? Кстати, я и паштет купил в кулинарии, он в холодильнике.

– Это не ко мне, я его не выношу, так вот...

– Вика! Викуся!

– М-м?

– Я соврал, там нет никакого паштета. Так я и думал.

– Как это? – Я нахмурилась и машинально приложила руку к боку – туда, где обычно ощущала «недоболь». – погоди-ка... скажи что-нибудь еще.

Тим отложил вилку и забормотал:

– На тебе бордовое кружевное белье. – Я прыснула – у меня такого сроду не водилось. – На потолке слева гигантское мокрое пятно. Да не смотри туда. Я тебя ненавижу.

– А?!

– За окном по асфальту бродит белка на четырех ногах. Не надо крутить пальцем у виска, я говорю все, что приходит в голову. Главное же – умышленно лгать, верно? Поздравляю. Ты потеряла свою суперспособность. – Тим как ни в чем не бывало вернулся к котлете.

Я нервно замельтешила туда-сюда по крошечной кухне, два раза чуть не сбив с холодильника дурацкий магнетик, который нам дали в магазине по акции. Больше магнетики взять было неоткуда: с тех пор как съехались, мы ни разу не путешествовали.

– Подожди, подожди. Не может быть. Я двадцать лет жила с этим, а потом оно просто так взяло и ушло?

– Можно подумать, ты жалеешь.

– Я? Нет, конечно, иногда я мечтала об этом, но...

– Мечта сбылась, а ты не радуешься. Знаешь, насколько приятнее тебе станет теперь? Вот, к примеру, Яша – ты не могла с ним общаться, берегла свой бедный организм, а тут...

– Подожди, – повторила я.

Я понимала, что Тим прав, но пока не находила в себе силы оценивать перспективы – нужно было сначала осмыслить произошедшее. Я пыталась отыскать рациональные объяснения (если к подобным явлениям вообще можно подходить рационально) тому, что ничего не ощущаю, когда мне врут. Недавнее плохое самочувствие? Магнитные бури? Гормональный сбой? Усталость? Ни один пункт из этого списка никогда не влиял на мой дар. Влияли лишь сильные стрессы – и то в обратную сторону.

– Послушай, – осенило меня, – а может, я и раньше чувствовала не всю ложь? О-о, это было бы ужасно. В таком случае, мир еще хуже, чем я думала.

Тим тщательно вытер руки и лицо салфеткой, вышел из-за стола, шагнул ко мне и, заключив меня в объятия, уткнулся в мои волосы.

– Обожаю твой запах. Он теплый, мягкий, но при этом с легкой горчинкой – мне кажется, запах характеризует человека, потому что ты как раз...

– Ага, самое время для теорий, – буркнула я.

– Никаких теорий, я просто соскучился. – Он слегка спустил рукав свитера с моего плеча, коснулся губами моей кожи и поддел пальцем бретельку моего бюстгальтера. – Жаль, что у тебя нет бордового кружевного. Если честно, это одна из моих фантазий.

Я открыла рот, чтобы заметить, что для обсуждения фантазий тоже не время, но какая-то сила заставила меня вместо этого прильнуть к его губам... «Ерунда, впереди целая жизнь, чтобы это обдумать – сейчас гораздо важнее то, что он... что мы...». Если честно, в тот период важнее, чем «он» и «мы» для меня не было ничего вообще.

Мой дар ушел бесследно. Поскольку «дар ушел» звучит довольно грустно, я предпочитала называть это «болезнью» – так вот, я излечилась. Почему-то казалось – навсегда. Будто кто-то свыше решил, что внутренний детектор лжи мне больше не требуется, раз я окружила себя правильными людьми. Вернее, одним правильным человеком.

Мой круг общения никогда не был особенно широк, а сейчас и вовсе сузился до одного Тима – ну хорошо, и мамы (с Аней мы болтали по телефону и в соцсети, с Гошей виделись нечасто). Тим тоже легко ограничивался коллегами и мной. Кажется, он был настолько самодостаточным, что ему хватило бы и самого себя, а толпа галдящих друзей только мешала бы вдыхать жизнь полной грудью. Я – не мешала.

Меня ждал второй счастливейший, как я тогда думала, период в жизни. Этот казался еще лучше предыдущего, потому что подарок судьбы, которым я считала потерю дара, позволил мне наслаждаться своим счастьем на полную катушку. Отступление «болезни» сработало как бритва Оккама – отсекло ненужное, отвлекло меня наконец от человеческих пороков, сместило фокус внимания на позитивные моменты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.